

# К Воейкову

Category: Goşgular, Kitapcy  
написано kitapcy | 25 января, 2025  
К Воейкову К ВОЕЙКОВУ

О Воейков! Видно, нам  
Помышлять об исправленье!  
Если должно верить снам,  
Скоро Пиндо-преставленье,  
Скоро должно наступить!  
Скоро, предлетящим громом,  
Аполлон придет судить  
По стихам, а не по томам!

Нам известно с древних лет,  
Сны, чудовищей явленья  
Грозно-пламенных комет  
Предвещали измененья  
В муравейнике земном!  
И всегда бывали правы  
Сны в пророчестве своем.  
В мире Феба те ж уставы!

Тьма страшилищ меж стихов,  
Тьма чудес... дрожу от страху!  
Зрел обверткой пирогов  
Я недавно Андромаху.  
Зрел, как некий Асмодей  
Мазал, вид приняв лакея,  
Грозной кистью своей  
На заклею окон Грея.

Зрел недавно, как Пиндар,  
В воду огонь свой обративши,  
Затушил в Москве пожар,  
Всю дожечь ее грозивший.  
Зрел, как Сафу бил голик,

Как Расин кряхтел под тестом,  
Зрел окутанный парик  
И Электрой и Орестом.

Зрел в ночи, как в высоте  
Кто-то, грозный и унылый,  
Избоченясь, на коте  
Ехал рысью; в шуйце вилы,  
А в деснице грозный Ик;  
По-славянски кот мяукал,  
А внимающий старик  
В такт с усмешкой Иком тукал.

Сей скакун по небесам  
Прокатился метеором;  
Вдруг отверзтый вижу храм,  
И к нему идут собором  
Феб и музы... Что ж? О страх!  
Феб – в ужасных рукавицах,  
В русской шапке и котах;  
Кички на его сестрицах!

Старика ввели во храм,  
При печальных Смехов ликах  
В стихарях амуры там  
И хариты в черевиках!  
На престоле золотом  
Старина сидит богиня;  
Одесную Вкус с бельмом,  
Простофиля и разиня.

И как будто близ жены,  
Поручив кота Эроту,  
Сел старик близ Старины,  
Силясь скрыть свою перхоту.  
И в гудок для пришлеца  
Феб ударил с важным тоном,  
И пустились голубца

Мельпомена с Купидоном.

Важно бил каданс старик  
И подмигивал старушке;  
И его державный Ик  
Перед ним лежал в кадушке.  
Тут к престолу подошли  
Стихотворцы для присяги;  
Те под мышками несли  
Расписные с квасом фляги;

Тот тащил кису морщин,  
Тот прабабушкину мушку,  
Тот старинных слов кувшин,  
Тот кавык и юсов кружку,  
Тот перину из бород,  
Древле бритых в Петрограде;  
Тот славянский перевод  
Басен Дмитрева в окладе.

Все, воззрев на Старину,  
Персты вверх и, ставши рядом:  
«Брань и смерть Карамзину! —  
Грянули, сверкая взглядом. —  
Зубы грешнику порвем,  
Осрамим хребет строптивый!  
Зад во утро избием,  
Нам обиды сотворивый!»

Вздрогнул я. Призра́к исчез...  
Что ж все это предвещает?  
Ах, мой друг, то глас небес!  
Полно медлить... наступает  
Аполлонов страшный суд,  
Дни последние Парнаса!  
Нас богини мщенья ждут!  
Полно мучить нам Пегаса!

Не покаяться ли нам  
В прегрешеньях потаенных?  
Если верить старикам,  
Муки Фебом осужденных  
Неописанные, друг!  
Поспешим же покаяньем,  
Чтоб и нам за рифмы — крюк  
Не был в аде воздаяньем.

Мук там бездна!.. Вот Хлыстов  
Меж огромными ушами,  
Как Тантал среди плодов,  
С непрочтенными стихами.  
Хочет их читать ушам,  
Но лишь губы шевельнутся,  
Чтобы дать простор стихам, —  
Уши разом все свернутся!

Вот, на плечи стих взгрузив,  
На гору его волочит  
Пустопузов, как Сизиф;  
Бьется, силится, хлопочет,  
На верху горы вдовец —  
Здравый смысл — торчит маяком;  
Вот уж близко! вот конец!  
Вот дополз — и книзу раком!..

Вот Груздочкин-траголюб  
Убирает лоб в морщины  
И хитоном свой тулуп  
В угожденье Прозерпины  
Величает невпопад;  
Но хвастливость не у места:  
Всех смешит его наряд,  
Даже фурий и Ореста!

Полон треску и огня  
И на смысл весьма убогий,

Вот на чахлого коня  
Лезет Фирс коротконогий.  
Лишь уселся, конь распух.  
Ножки вверх – нет сил держаться;  
Конь галопом; рыцарь – бух!  
Снова лезет, чтоб сорваться!..

Ах! покаемся, мой друг!  
Исповедь – пол-исправленья!  
Мы достойны этих мук!  
Я за ведьм, за привиденья,  
За чертей, за мертвецов;  
Ты ж за то, что в переводе  
Очутился из Садов  
Под капустой в огороде!..

21 декабря 1814 г. Goşgular